

Е. В. ДЗЮБА

О видах и структуре категорий

Ментальные процедуры получения, обработки, систематизации и знаковой репрезентации знаний изучались с древнейших времен: сначала в основном философами, в более поздние годы и до настоящего времени психологами и психолингвистами, социологами и социолингвистами, антропологами и этнолингвистами, когнитологами и прагмалингвистами и т. д. Когнитивная лингвистика сосредоточивает внимание на процессах познания мира человеком, систематизации знаний с помощью категорий языка, вербализации этих знаний и представлений. Важность изучения названных ментальных процедур в течение уже нескольких десятилетий подчеркивают зарубежные и отечественные исследователи (А. Вежбицка, Р. Джакендофф, М. Джонсон, Дж. Лакофф, С. Пинкер, Э. Рош, Ж. Фоконье, Ч. Филлмор и др.; Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, Н. Н. Болдырев, С. Г. Воркачев, В. З. Демьянков, Д. О. Добровольский, А. А. Залевская, В. И. Карасик, А. А. Кибрик, В. В. Колесов, В. В. Красных, Е. С. Кубрякова, В. А. Маслова, З. Д. Попова, Г. Г. Слышкин, Ю. С. Степанов, И. А. Стернин, Р. М. Фрумкина, А. П. Чудинов и др.).

Процессы получения, обработки и систематизации знаний, помогающие человеку существовать и ориентироваться в упорядоченном силами своего сознания мире, принято называть категоризацией и концептуализацией. Под категоризацией понимается процесс упорядочения полученных знаний, то есть распределения нового знания по тем или иным рубрикам, существующим в сознании человека, и часто задаваемых категориями языка, носителем которого этот человек является. Концептуализация — это процесс определения набора когнитивных признаков (в том числе — и категориальных) какого-либо явления реального или

воображаемого мира, которые позволяют человеку иметь, хранить в сознании и пополнять новой информацией сколько-нибудь очерченное понятие и представление об этом явлении и отличать его от других феноменов.

Российские ученые долгие годы изучали именно процессы концептуализации. В настоящее время известны сотни диссертационных и монографических работ, посвященных изучению универсальных, этноспецифичных и индивидуально-авторских концептов. Значительно меньше в отечественной лингвистике исследований, посвященных изучению механизмов категоризации и описанию самих категорий, формирующих, упорядочивающих человеческое знание под влиянием языка и сохраняющих это знание в категориях языка. Именно эти вопросы, вероятно, являются наиболее перспективными и требующими научного описания в настоящее время.

Определение сущности процесса категоризации, влияние особенностей человеческого сознания на формирование категорий — эти и некоторые другие вопросы на данном этапе развития науки вряд ли можно считать дискуссионными. Однако нельзя назвать полностью решенными следующие проблемы: о структуре категорий и их составляющих, о взаимоотношениях единиц категорий, о возможности конечного описания существенных признаков категорий, о значении достижений теории категорий для лексикографической практики и т. п.

Общеизвестно, что первый опыт научного размышления о категориях принадлежит Аристотелю. Как отмечают исследователи (Р. Джакендофф, У. Лабов, Дж. Лакофф, Э. Рош и др.), созданная Аристотелем классическая теория категорий не выдерживает критики. Исследователи ссылаются на рассуждения Аристотеля о том, что четкие границы категории определяются совокупностью равноправных между собой составляющих — элементов категории, которым свойствен одинаковый набор характерных, типичных для категории признаков, позволяющих включать эти элементы в одну категорию. Эта классическая концепция была подвергнута сомнению Л. Витгенштейном, который указал на более сложную природу категорий. Однако мысли Аристотеля о категориях требуют особого комментария, ведь в его рассуждениях все не так однозначно. Философ рассуждает о категории сущности и отмечает ее принципиальное отличие от других категорий. Эта особенность заключается в том, что, по словам Аристотеля, сущность не допускает большей или меньшей степени. <...>

Действительно, если категории сущности и имеют место быть, то их, вероятно, и следует называть категориями с четкими

границами. Это категории, которые не допускают степени или меры, не допускают двойной интерпретации. Набор составляющих таких категорий строго определен наличием у каждого представителя категории совокупности наиболее важных, типичных признаков, при этом все члены данной категории будут действительно равноправными. Такими категориями, вероятно, оперируют главным образом теоретики: философы, логики, математики и др. Если речь заходит о практическом применении таких категорий, например, в юриспруденции, то их границы намеренно стараются очертить для справедливости оценки каждого встретившегося в практической жизни явления, подходящего под ту или иную категорию. В юридической практике строго разграничиваются понятия абстрактного и конкретного, но также четко устанавливается их взаимосвязь, ср.: «Конкретное в процессе юридической квалификации понимается как непосредственно данное, чувственно воспринимаемое явление, конкретный жизненный случай, который сопоставляется с абстрактным. Норма права, в силу своей абстрактности, не может содержать массу разнообразных признаков, которыми обладают конкретные жизненные обстоятельства, она лишь содержит некие общие понятия. Норма права не должна содержать каких-либо случайных признаков, она должна выделять такие из них, которые раскрывают сущность квалифицируемого явления. Образование общих, абстрактных понятий углубляет познание объективной действительности, позволяет осмыслить наиболее существенные связи и закономерности природы общественной жизни. Общее реально существует, но не само по себе, не самостоятельно, а в конкретных единичных явлениях. Закрепленные в правовой норме абстрактные юридические факты могут встретиться в реальной действительности не сами по себе, в реальной жизни мы сталкиваемся с жизненными фактами, которые содержат в себе признаки того или иного юридического факта, закрепленного в правовой норме»¹.

Таким образом, категории с четкими границами, предполагающие равноправие всех своих членов, все-таки существуют, без них нельзя было бы говорить о существовании науки вообще. Но нельзя отрицать и того, что, погружаясь в реальную жизнь, эти абстрактные категории начинают расшатываться. Например, мнение Аристотеля о сущности человека и его утверждение, что человек не может быть человеком в большей или меньшей

---

¹ Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М.: Юрист, 2007. С. 36–37.

степени, верно с биологической точки зрения или с позиции демократического равноправия, но, к сожалению, в практической жизни это не всегда так. Например, раб в древнем мире считался вещью, а не человеком; женщина в восточной культуре имеет более низкий статус, чем мужчина; в обществе с жестким классовым расслоением было нормой разделять людей «с голубой кровью» — дворян и обычных людей — простолюдинов; для гражданина любой страны соотечественник всегда более уважаем, чем мигрант. Вероятно, даже определение сущностных категорий зависит от общей модели мировидения: в рамках одной модели (например, научной картины мира) человек — это категория с четкими границами, и в этой категории все члены равноправны; но в «наивном» сознании под воздействием разных идей складываются разные модели мировидения. Следовательно, даже категории с четкими границами могут варьироваться в зависимости от модели мира: в рамках научной картины мира структура категории может быть упорядоченной, а все ее члены равноправными; в наивной картине мира структура категории может меняться: одни члены категории выходят на первый план и становятся типичными образцами категории, другие выходят на задний план и могут вообще не сразу осознаваться как члены данной категории. <...>

Иными словами, категории по своей структуре делятся на два вида: с четкими границами (категории, в которых все члены равноправны, так как они обладают одинаковым набором признаков, актуальных для данной категории) и с нечеткими (размытыми) границами, члены которых неравноправны. При этом категории с четкими границами могут допускать противоположности и располагаться на полюсах как оппозиции (*законно — незаконно, мужчина — женщина, жизнь — смерть*), но существуют также категории с четкими границами, в составе которых все члены также равноправны, но они не допускают противоположности (ср. понятия: *треугольный, четырехугольный*) и т. д.

При определении категорий с нечеткими (размытыми) границами следует остановиться на рассуждениях Л. Витгенштейна о так называемом «фамильном сходстве» членов категории. Философ настаивает на отсутствии равноправия элементов, входящих в ту или иную категорию. В качестве иллюстрации Л. Витгенштейн приводит пример с категорией игры. Философ приходит к выводу, что члены категории не являются абсолютно равноправными и тождественными по набору характеризующих их как единицы категории признаков; автор этих философских размышлений говорит о сложной сети подобий, накладываю-

щихся друг на друга и переплетающихся друг с другом. Такие подобия, переплетения признаков членов одной категории Л. Витгенштейн называет «семейными сходствами».

Вопрос о соотношении категорий с четкими и нечеткими границами автор «Философских исследований» решает исключительно в пользу намерений человека, осмысляющего те или иные категории. Тем не менее, нельзя утверждать, что любая категория может осмысляться человеком как категория с четкими и нечеткими границами. Есть основания полагать, что существуют категории, рамки которых объективно заданы: с какой точки зрения мы не взглянем на треугольник, даже если предположить переносные, метафорические значения (например, *любовный треугольник*), главный признак категории — наличие трех компонентов — будет строго ограничивать список претендентов на членство в данной категории. <...>

Доказательством наличия прототипических эффектов даже в рамках категорий с четкими границами является часто приводимый исследователями пример с категорией числа (см. об этом работы А. Вежбицкой, Дж. Лакоффа, Т. Г. Скребцовой и др.). При абстрактном понимании категории числа все ее составляющие (то есть все числа) объективно равноправны и одинаково способны представлять данную категорию, но при экспериментальных опросах большинство русскоязычных людей называют в первую очередь числа 3 и 7. Речь здесь действительно идет о разнице в осмыслении строго теоретических, научных понятий — с одной стороны, и практически, жизненно применимых фактах, — с другой стороны. Так, например, в речевом обиходе под влиянием сложившейся в сознании человека картины мира, его фоновых знаний, культурных традиций и т. д. некоторые числа воспринимаются более типичными представителями категории числа. Для русского человека 3 и 7 — знаковые числа, что объясняется влиянием фольклорной или религиозной традиции, жизненным опытом и т. п. (ср. символику числа 3 в русских сказках; устойчивые выражения *Бог троицу любит*, *Семь раз отмерь — один отрежь*, *Семеро одного не ждут*, *Семь пятниц на неделе* и др.). Такая речевая практика объясняет тот факт, что в обыденном сознании разные числа являются неравноправными членами одной категории. Структура категории числа в обыденном сознании, безусловно, этноспецифична. Если бы подобные эксперименты проводились среди китайцев, то они обязательно бы назвали 8, так как в их представлении это счастливое число, которое приносит удачу.

Следовательно, если речь идет о сугубо теоретических рассуждениях, обобщениях (о научной картине мира), то говорить

о категориях с четкими границами и равноправии всех членов категории можно и даже нужно, но если речь идет о конкретном человеческом сознании, о носителе того или иного национально-языкового языка, то целесообразно говорить о категориях с нечеткими границами. Это подобно разграничению понятий *инвариант* и *вариант*, *язык* и *речь* в «сосюрковском» понимании. Язык как абстрактная система инвариантен, но как только единицы языка начинают функционировать в речи — особенно в разговорной или художественной, — то многое начинает меняться: появляются разные варианты одной языковой единицы, слова обрастают новыми метафорическими значениями, часто не закрепленными в языке. При этом как без языка не существует речи, так и в отношении категорий: без образца, инварианта (четко ограниченных категорий) существование вариантных форм (категорий с размытыми границами) невозможно. Это также подтверждает мысль о том, что категории не могут формироваться без участия человеческого сознания <...>.

Решая спор между классической теорией категорий Аристотеля и «прототипической» теорией, Анна Вежбицка настаивает на необходимости не противопоставления двух концепций, но их синтеза, ср. «В семантическом анализе есть, конечно, место для прототипов, но есть и место для инвариантов, одно не исключает другого»². Исследователь подчеркивает, что идеализированные когнитивные модели, которые предполагают наличие категорий с четкими границами, погружаясь в реальный мир, помещаясь в контекст остального человеческого знания о мире, «приобретают размытость, источником которой является не сама модель, но несоответствие исходных посылок, лежащих в основе модели, нашему знанию о мире»³. В доказательство этого положения А. Вежбицка приводит пример с понятием *холостяк* и указывает, что модель *холостяк* — *неженатый взрослый мужчина* не работает в случае, если речь идет, например, о Тарзане или Папе Римском. По мысли А. Вежбицкой, достаточно изменить основание для формирования категории, дополнить его другими признаками, чтобы модель заработала, ср.: «... почему бы нам, к примеру, не заменить модель на такую дефиницию: *холостяк* — *неженатый мужчина, который мыслится как такой, который мог бы вступить в брак?* Исследователь делает вывод, что «обсуждение “необходимых и достаточных

² Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. С. 201.

³ Там же. С. 201.

признаков” обычно зацикливается на материальных признаках и не принимает во внимание нематериальные. Между тем концепты естественного языка нередко представляют собой сплав компонентов обоого рода. Для холостяка считаться способным вступить в брак так же необходимо, как быть мужского пола и неженатым»⁴. А. Вежбицка указывает, что категории с четкими границами все-таки существуют, главное — точно сформулировать такие признаки, которые стали бы достаточным основанием для выделения данной категории и включения того или иного члена в ее границы. При этом необходимо учитывать и материальные, и нематериальные (идеальные) признаки.

Именно с учетом материальных и нематериальных признаков необходимо разграничивать четкие и размытые категории. А. Вежбицка справедливо указывает на ошибку психологов и лингвистов рассматривать явления разных логических порядков как явления одного категориального ряда. В работах предшественников действительно *птица* и *мебель* рассматриваются как категориальные слова одного и того же типа. А. Вежбицка возражает: «Имеются, однако, ясные грамматические (а также семантические) свидетельства того, что эти два слова воплощают совершенно разные типы понятий. Птица — таксономическое понятие, соотносимое с определенным «типом живых существ». Но мебель — никоим образом не таксономическое понятие: это собирательное понятие, которое соотносится с разнородной совокупностью предметов различных типов. Нельзя сказать «три мебели», но можно — «три птицы»; нельзя представить себе или изобразить экземпляр мебели вообще, но можно изобразить птицу вообще. Для птиц можно провести границу между птицами и не-птицами (летучие мыши относятся к последним). Для мебели нельзя провести границу между объектами, входящими в эту суперкатеорию, и объектами, не относящимися к ней. Понятие *мебель* с полным основанием может быть названо «размытым» — равно как и другие понятия, соотносимые с собирательными существительными, обозначающими разнородные совокупности объектов (кухонная утварь, посуда, одежда и т. д.)»⁵.

Вероятно, понятия, обозначающие вещественные, конкретные и счетные предметы, действительно могут иметь четкие границы, хотя в структуре данных категорий можно выявить прототипические эффекты (то есть выделить наиболее типичные и наименее типичные образцы категории); понятия, обозначаю-

⁴ Там же. С. 204.

⁵ Там же. С. 215.

щие исключительно ментальные, идеальные сущности, а также собирательные представляют категории с размытыми границами, так как объективно существующего референта таких сущностей в мире вещей нет. На формирование человеческого сознания влияют многочисленные индивидуальные факторы — жизненный опыт, процессы воображения и т. д., поэтому границы категорий у разных людей (у носителей разных языков, представителей разных культур) не совпадают. Так, например, что такое *гриб* как явление реального мира все люди представляют примерно одинаково, но категориально в их сознании это понятие осмысливается по-разному: в наивной картине мира русских гриб — это растение, у англичан — овощ, а с точки зрения науки — это вообще отдельный вид живых существ. Таким образом, еще одной задачей современной когнитологии является описание собственно идеальных категорий, члены которых не имеют референции в вещественном мире. В настоящее время существует незначительное число работ, посвященных анализу собственно идеальных категорий, и те, к сожалению, в основном зарубежные.

Парадоксально также то, что само положение о разных границах категорий у носителей разных языков подтверждает мысль о том, что ментальные категории — это категории с нечеткими, размытыми границами, но человеческое сознание пытается провести границы категорий для приобретения неких образцов, которые помогают человеку упорядочивать мир и в нем ориентироваться. А. Вежбицка утверждает, что намеренное очерчивание границ категорий позволит обеспечить теоретическую базу для лексикографии (ср.: «...не только многочисленным философам и психологам, но и целому поколению лексикографов не удалось составить из дискретных компонентов приемлемых толкований обыденных понятий. Но лексикографии всегда недоставало теоретической базы. Теоретическая семантика расцветала в эмпирическом вакууме, а лексикографы бились над своими “практическими” задачами, не имея достаточных теоретических основ. Учитывая отсутствие помощи со стороны семантической теории, приходится удивляться достижениям лексикографов, а не их неудачам. Эра серьезных лексикографических исследований, базирующихся на строгих теоретических основаниях, только начинается. Успех этих исследований в какой-то мере будет зависеть от их способности усвоить и развить сделанные психологами и философами наблюдения относительно роли прототипов в человеческом мышлении. Однако в первую очередь он будет зависеть от согласованных усилий по установлению основного фонда человеческих понятий — универсальных

семантических примитивов, — из которых строятся сложные понятия»⁶). При этом А. Вежбицка не отрицает значение теории прототипов, но подчеркивает, что «прототипы не могут “спасти нас” от строгого лексикографического исследования, но они могут помочь нам построить лучшие, более глубокие определения, ориентированные на человеческую концептуализацию реальности, которая отражена и воплощена в языке»⁷.

В результате представленного рассуждения необходимо представить некоторые теоретические положения.

1. Одним из важных аспектов изучения мышления (сознания) человека является вопрос влияния языка на процесс категоризации и отражение знания о мире в категориях языка.

2. В формировании категорий участвует человеческое сознание, способное, отделив общее от частного, главное от второстепенного, намеренно очертить границы категорий, что необходимо в первую очередь в сфере теоретических наук, но также и в практических областях, например, в вопросах юридической квалификации.

3. Категории подразделяются на две группы. Категории с четкими границами — это такие категории, члены которых равноправны; эти члены характеризуются набором стандартных признаков, определяющих категорию (например, *треугольный, четырехугольный* и т. п.). Категории с нечеткими (размытыми) границами — это такие категории, члены которых не являются равноправными, а распределяются в рамках категории как наиболее или наименее типичные ее представители (например, категория ума: *кто-то более умный, чем другой*); эти члены объединяет не стандартный набор существенных для каждого из них признаков, их объединяет «фамильное сходство».

4. Категории с четкими границами могут допускать противоположности и располагаться на полюсах как оппозиции (*законно — незаконно, мужчина — женщина, жизнь — смерть*), но существуют также категории с четкими границами, в составе которых все члены также равноправны, но они не допускают противоположности (ср. понятия: *треугольный, четырехугольный*) и т. д.

5. Категории с нечеткими (размытыми) границами, как правило, градуированы, их члены могут располагаться на шкале (ср.: *мудрейший — мудрый — умнейший — умный — разумный — рассудительный — здравомыслящий — неразумный — глупый — дурак — тупой — бестолочь — debil* и под.).

⁶ Там же. С. 230.

⁷ Там же.

6. Категории с четкими границами часто существуют как продукт сознательной, умственной деятельности человека, это категории научной картины мира (например, категория числа как математическое понятие). Категории с нечеткими границами, как правило, бытуют в наивной картине мира, их структура зависит от субъективных факторов — от национально-культурных традиций народа-носителя того или иного языка, от житейского и социального опыта конкретного человека и т. д. (например, числа 3 и 7 в русской лингвокультуре более типичны для категории числа, чем другие члены данной категории; число 8 более типично для представителей китайской культуры).

7. Категории, имеющие денотативное соответствие в мире вещей, активно рассматривались исследователями (особенно зарубежными); категории абстрактные в настоящее время все еще нуждаются в подробном и разностороннем научном описании.

